

Сайнаков Н.А.
(Томский ГУ)

**Московское царство в поисках врага.
Идеалы и реалии формирования идентичности
элиты русского общества в XVI в.
(по материалам полемических сочинений).**

В исторической литературе, посвящённой истории формирования Российского государства, многократно указывается на принципиальное значение споров, ведущихся публицистами по поводу природы, принципов и обоснований властно-собственнических отношений в церковной и светской жизни. Часто подчёркивается, что многие из созданных тогда сочинений послужили обоснованием для самодержавной доктрины, которая в XVI в. всё откровеннее доминирует в отношении царя ко всем слоям русского общества. Другие же публицистические сочинения характеризуются как более демократические, направленные на противодействие деспотическим устремлениям царской власти. В любом случае подчёркивается полемичность, разнонаправленность созданных в это время трудов.

С другой стороны, именно в XV – XVI вв. в Московском государстве идут процессы, которые можно было бы обозначить как изменения в характере этно-конфессионального самосознания. В связи с этим, закономерно попытаться выяснить, не в чём указанные сочинения были различны, а что в них было общего. Тем более что вопрос о том, что же именно являлось предметом полемики, вовсе не очевиден. Выявление этого общего, может дать возможность определить, по какому пути шло становление идентичности русского общества, особенно его элиты, в чём специфика происходившей трансформации самосознания.

Собирание русских земель вокруг Московского княжества сопровождалось переосмыслением отношений Руси с Ордой и западными странами. Этот процесс ускорился после падения Константинополя и усиления конфессиональной изоляции¹. Идентификация москвитов шла во многом по пути противопоставления, создания образа чужака. «Послание на Угру» Вассиана Рыло, летописная «Повесть о стоянии на Угре», «Московская повесть о походе Ивана III» имеют, по сути, полемический характер, задают тон указанному противопоставлению на религиозной почве. Так, в «Послании», христианскому царю противопоставляются «безбожные»,

«окаянные», «поганые» Ахмад и Батый². При этом, как отмечал А.А. Горский, Вассиан осуществляет резкий разрыв с традицией, отказывая в царском достоинстве всем Чингизидам³. В домонгольскую эпоху термин «царь» воспринимался как титул "чужого" правителя, а в эпоху ордынского ига "царем" именовался верховный суверен русских земель. Теперь же, с середины XV в., идёт присвоение титула, равноценного титулу правителя Орды, с одновременным обоснованием большей древности царского достоинства русских князей, и их родственной связи с императорами Древнего Рима⁴. Это давало возможность рассматривать правителей Орды как врагов и отчуждаться от традиционных связей с ними.

В том же тоне звучат многие сочинения Максима Грека, с его ярко выраженной позицией нравственного назидания, направленной на сохранение в Московском царстве истинной православной традиции. Много путешествуя до появления в России, Максим внёс значительный вклад в обличения латинян, нечестия «измаильтян» и «богомерзких ересей»⁵. Публицистичность сочинений Максима Грека выражается, прежде всего, в атмосфере «ответа», «ответности», пронизывающей их⁶. Представляя ситуацию как увеличение количества «нечестивцев», рост их «хулы» на православие, Максим Грек активно выступал в защиту православной традиции, «отвечая» на вызов ересей и других конфессий.

Развитию противопоставления Руси остальному миру, культивированию её особенности и значимости служит и выработанная монахом Филофеем концепция «Третьего Рима». По мнению Н.В. Синициной, ««Третий Рим» - это не только Москва и даже не Москва по преимуществу, но Российское царство с центром в Москве, русская православная церковь и её главная кафедра – кремлёвский Успенский собор»⁷. Хотя «Третий Рим», это, как доказывает исследовательница, «функция, лишённая единой пространственно-временной характеристики», здесь «выражена идея исторических корней и исторической ответственности»⁸. В поисках исторических корней и автор «Сказания о князьях Владимирских», сочинения подчинённого концепции преемства-противостояния Руси по отношению к римскому и константинопольскому наследию⁹. Как бы продолжая эту мысль, автор другого известного сочинения - «Хронографа», противопоставляет православным царствам, пленённым турками, «Российскую землю», которой предстоит «расти и млада и разширяться до скончания века»¹⁰.

Н.В. Синицина приписывает теме «Третьего Рима», а значит и общественному сознанию того времени, определённый универсализм¹¹. Несомненно, такая тенденция имела место. Более того, в конце XV, начале XVI века возрастает интерес к византийскому наследию, «стали обнаруживаться связи с идеями, характерными для западноевропейского Возрождения»¹². Но, обращают на себя внимание факты, не раз

акцентированные самой исследовательницей. Так или иначе, но усиливается именно момент противопоставления России всем современным государственным и религиозным образованиям того времени. Стремление к удревнению истории Российского государства и церкви, так ярко выраженные в «Сказании» и в сочинении Филофея, отсутствие, в первое время, претензий на константинопольское наследство, говорят скорее о формировании идентичности через конфессиональную и государственную обособленность, чем через диалог и включенность. Приводя в пример сочинение Максима Грека, написанное между 1518 и 1521 гг. и адресованное Василию III, сама исследовательница утверждает, что «речь шла не о мессионизме, а о миссии, об исторической ответственности»¹³.

Однако, не только внешние враги оказались актуальны для публицистов конца XV – середины XVI веков. Во многих источниках, помимо внешних врагов, упоминаются враги ещё худшие, внутренние. Главным признаком этих врагов называется предательство христианства. Это и «предатели христианские и угодники басурманские»¹⁴, и «отступники, подобно прежним еретикам» и злодеи «восставшие на православие»¹⁵, и «обманщики лжеименитые, мнящие себя христианами»¹⁶.

Определённое влияние на формирование образа врага оказала полемика Иосифа Волоцкого и последователей Нила Сорского. Острота их полемики во многом объясняется их общей позицией, единой установкой на то, что судьба Московского царства, осмысление исторических судеб православного монашества, имеют особое значение для судеб христианского мира.

Иосиф Волоцкий, в «Просветителе», берётся за обличение жидовской ереси, не скупясь на обличения «скверных псов» несмотря на то, что эти люди долгое время находились под покровительством великого князя. Еретики, по его словам, «погрязли в глубине отступничества»¹⁷. Обращают на себя внимание некоторые моменты его высказываний. Иосиф утверждает, что «как в древности Русская земля всех превзошла своим нечестием, так сейчас, словно на золотых крыльях взлетев на небеса, она всех превзошла благочестием»¹⁸. Но, увы, появились еретики и «совершили такие беззакония, каких не совершали и древние еретики»¹⁹. Кроме ожидания скорого прихода конца света, данные пассажи способны говорить ещё и о другом. Для Иосифа «Русская земля» - особенная, отмеченная особым благочестием. «И хотя в других странах было множество благочестивых и праведных людей, но много среди них живет неверных, нечестивых, проповедующих ереси. В Русской же земле не только селений и сел несчитанное множество, но и множество городов, и все суть овцы единого Пастыря – Христа»²⁰, - пишет он. Отсюда и особая незаконность действия новых еретиков, эти «появившиеся ныне новгородские еретики и отступники –

злейшие и сквернейшие из всех живших под небесами еретиков и отступников»²¹. Стяжание, это способ укрепить благочестие, силу церкви. Врагом становится тот, кто мешает осуществлению поставленной цели. Характерно, что еретики были выходцами из Новгорода, по существу – конкурентами накапливающих богатства монастырей.

Челобитие Иосифа на «новоявленных кирилло-белозерских еретиков» (июль-август 1511 г.)²², побудила ученика и духовного сына Нила Сорского (Нил умер 7 мая 1508 г.) Вассиана Патрикеева выступить в защиту кирилло-белозерской корпорации. Однако его сочинения носили более широкий характер. Как отмечает А. Плизгунов, Вассиан «начинает работу по осмыслению исторических судеб православного монашества»²³. Причём Вассиан начинал свои размышления о монашеском «обещании» с менее радикальной постановки вопроса, предусматривая сохранение монастырских сел и передачу управления ими в руки святительских кафедр. Постепенно же, наметилась эволюция учения Вассиана в более радикальную программу, не останавливающуюся перед изъятием монастырских населенных земель²⁴. Он выступает против стяжания, видя в нём одну из причин возросших пороков церкви, говорит о необходимости прощения «еретиков». Хотя Вассиан и не внёс существенного вклада в образ «врага», более того, он и его последователь Артемий сами оказались частично в этой роли, их стремление к обновлению церкви, к переосмыслению сложившегося порядка, находит определённую параллель с усилиями Иосифа Волоцкого и Вассиана Рыло.

Казалось бы, центральными пунктами споров Волоцкого и Патрикеева выступает монастырское стяжание и отношение к еретикам, но и те и другие исходят из необходимости преодоления падения нравов и повышения авторитета церкви в новых условиях. Таким образом, центр полемики – именно в поиске путей спасения православного царства.

С.О. Шмидт, в отзыве на книгу Н.В. Сенициной о Максиме Греке, обратил внимание на огромное влияние афонского монаха на самых различных публицистов XVI века. К нему обращались и Грозный и Курбский, его манере поведения пытались следовать Сильвестр и Артемий, правомерно выглядит сравнение деятельности Максима с литературными предприятиями митрополита Макария и его взглядами на «священство» и «царство»²⁵. Представляется, что это влияние и было обусловлено указанным выше поиском пути спасения православного царства, общим ощущением ответственности за его судьбу.

Как и Иосиф Волоцкий, Максим Грек не чужд общественно-политической деятельности, и «считал себя вправе обязанным даже учить «практической морали» лиц его окружавших, более того, давать советы правителям, даже самому государю («царям и князьям и всем

сущим на властях советует предобра...») ²⁶. Отметим, что речь в назиданиях Максима Грека, прежде всего, идёт о «практической морали», а не о конкретных действиях правителя и не о конкретном вмешательстве «философа» в политические интриги. То же можно сказать и об Иосифе Волоцком, который, по едкому замечанию Вассиана Патрикеева в «Ответе кирилловых старцев», не желал сам «сжигать молитвой» еретиков ²⁷, а призывал к расправе великого князя. Вассиан намекает на небезгрешность Иосифа, но здесь, как нам кажется, прежде всего, видно разграничение сфер деятельности (уместно вспомнить и спор о том, что выше, «священство» или «царство»). Иосиф Волоцкий и Максим Грек претендуют на роль советчиков, но не деятелей, относительно великого князя.

Достойна внимания самостоятельность суждений, которая сквозит в вышеприведённых сочинениях. Более того, заметно, что авторы рассуждают собственно не об интересах каких-либо корпораций или групп, а о судьбах православного царства в целом ²⁸. Характерно рассуждение автора «Повести о стоянии на Угре» о судьбе болгар, сербов, греков и других народов, которые «не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и бездомные» ²⁹. При этом, можно отметить высокую готовность полемистов брать ответственность за принятие решений на себя. Так Иосиф, обращаясь с призывом покарать еретиков к великому князю, не просто наставляет его, но и «повелевает», буквально угрожает божьими карами за неисполнение «пастырских обязанностей» ³⁰. И здесь хорошо просматривается специфика собственно русского восприятия власти, когда она может и должна ограничиваться не законом или установлениями, а исключительно религиозными заповедями.

Если взглянуть на всю совокупность диспозиций, занимаемых этими и многими другими полемистами, хорошо заметно, что эта активизация общественной деятельности связана с быстрой трансформацией социума, необходимостью ответа на вызовы времени. Характер габитуса церковной элиты ³¹, да и многих других слоёв общества, побуждал их к всё более активной полемической деятельности, с вполне общими задачами – кодифицировать практики, наиболее сильно пострадавшие в ходе собирания русских земель. Обращает на себя внимание общее представление об уникальности ситуации, в которой находится русская земля. Эта установка на исключительность всегда особенно характерна для маргинального мироощущения, для социумов в «исключительных» обстоятельствах, когда люди находятся в поиске новых способов социального взаимодействия. Вырабатывающийся в этих условиях единый характер габитуса ³², и общая задача сближают всех этих полемистов, не смотря на разницу во взглядах.

Как уже говорилось, роль исполнителя конкретных действий по укреплению веры возлагалась на царя. Такое делегирование полномочий, проводимое людьми, имеющими собственный немалый политический капитал, как сказал бы Бурдые³³, выглядит несколько странно, но только до тех пор, пока мы не поймём, в каком именно поле позиция полемистов имеет для них довлеющее значение. Возложение всей политической ответственности на царя было подсознательным лукавством представителей элиты, не желавших пятнать себя неизбежным, в таком случае, грехом, падением морального престижа. Возможно, они и не чувствовали себя вправе это делать. Таким образом, не будучи готовы сами к конкретным действиям, именно в результате трансформации габитуса, или ментальности, если угодно, они возлагали эту задачу на царя. В пасторальной картине, которую они себе рисовали, царь был способен нести такую ответственность, компенсируя возможные грехи, predeterminedенные богом правителю, высоким моральным обликом под их присмотром. Такая идея и формировалась, в общем-то, благодаря ощущению себя в «граде осаждённом».

В дальнейшем, выработанная в это время традиция продолжает развиваться. Деятельность Сильвестра, митрополита Макария и других, по составлению сводов и кодификации памятников, по регламентации жизни, можно рассматривать не только как фиксацию нормы, но и как формирование таковой. Как Стоглавый собор, так и другие масштабные проекты того времени так же внутренне полемичны. Идёт спор (хотя и не всегда явный) с латинянами, еретиками, грешниками и так далее. Стоит обратить внимание, что такая активная кодификация памятников, усиление полемики с «врагами», то есть формализация содержания, свидетельствуют о силе вызова, который оказался брошен русскому обществу. Совершенно справедливо замечание Стивена Гринблатта, что борьба с чужаком заставляет мобилизовать избыточные силы³⁴. Чем сильнее «чужак», чем не стабильнее общество, тем более избыточные силы приходится бросать на борьбу с этими напастями, чтобы покончить с ними «наверняка». Но этот избыток подрывает новую структуру изнутри.

Характерно, что в формирующемся русском обществе акцент постепенно всё больше смещается в сторону ведущей роли царя, в борьбе с многочисленными «врагами». Активная реформаторская деятельность, особенно при правительстве Сильвестра и Адашева, как давно доказано, объективно вела к укреплению центральной власти, то есть к той же цели, что преследовал и сам царь. Причины, которые в дальнейшем привели к разрыву царя и его советников, многообразны. В данном случае остановимся лишь на том, что было связано с образом врага и ответственностью за судьбы страны.

Выше уже говорилось, что самоидентификация русского общества формировалась во многом путём создания образа врага. Противопоставляясь ему, создавался идеальный образ страны, народа, правителя. Для Руси такой идеальный образ оказывается связан с княжеской династией (противопоставляемой, например, литовским потомкам «конюха Гигеменика»), и православной конфессией. Раскрывая первоначальную сущность понятия «Третий Рим», Н.В. Сеница обратила внимание на то, что падение первого и второго Рима, связано не с политическими моментами крушения империй, а с деятельностью папы Формоса и Карла Великого в первом случае, и с Флорентийской унией – во втором. То есть, речь идёт в первую очередь, о «греховном предательстве веры»³⁵.

Формирование идеального образа царя хорошо прослеживается по «Сказанию о князьях Владимирских», сочинениям угорского цикла и многочисленной «поучительной» литературе. Это – царь «христоробец», защитник, царь, прислушивающийся к своим советникам. Такому царю противопоставляется царь безбожный, язычник, еретик, магометанин. Но и не только. Важную роль, а иногда, как в сочинении Ивана Пересветова, и более значительную, играет образ царя – грешника. Это царь пьющий, веселящийся со скоморохами, обуянный гордыней, злословный, совершающий непотребства и склонный к содомии, занимающийся ворожбой, колдовством и гаданием. «Турецкий царь султан Магомет великую правду ввел в царстве своем, хоть иноплеменник»³⁶, пишет Пересветов. Говоря о падении мировых царств, «Пересветов подразумевал не столько апостазию как догматическое отступничество, сколько нарушение Божественного закона, вечных нравственных заповедей»³⁷. Здесь вовсе не иноверец антитеза «доброму» царю. «Плохой» царь, по Пересветову, - забывший воинскую доблесть, веселящийся и соблазняемый своими советниками, забывший про нужды «военников»³⁸. Нечто подобное пишет и Максим Грек. В «Главах поучительных», адресованных Ивану IV, подробно разбираются грехи и злодеяния царя. Самодержец должен преодолевать страсти, напрасные ярость и гнев, «беззаконные плотские похоти»³⁹. Осуждая Ивана как правителя, Максим Грек через всё произведение проводит мысль, что для правильного, «доброе» управления государством главное – быть лично добродетельным. А добродетель (и тут многие полемисты оказались солидарны), не может быть достигнута без добрых советников.

Подобно идеальной фигуре царя формируется идеальная модель сотрудничества, в которой задача полемистов – служба идее возвеличивания и укрепления роли государя как нравственного примера. Этой идее придерживались Сильвестр, Адашев, митрополиты Афанасий и Макарий. Так, в «Степенной книге царского родословия» проводится последовательная политика идеализации, прославления и истории Руси, и правящей династии⁴⁰.

А.Л. Юрганов, обращая внимание на проблему идеализации, высказал мнение о глубоком различии в становлении идеала на Западе и в России. Если в Западной Европе идеал «Утопии» - в идеальном обществе, то в сочинениях Пересветова создаётся представление об идеальном государстве, создающем православное общество⁴¹. По мнению А.В. Каравашкина, именно от представлений о воплощении идеала, или «истины», зависело, как человек будет воспринимать окружающую действительность. Как пример приводится всё тот же Пересветов, для которого «истина ещё не реализована в земном опыте и потому очевидна настоятельная необходимость приблизить реальную жизненную практику к этому идеалу»⁴².

Что же противостояло этой идеальной модели? Образ врага оказывается не так уж статичен. Если конец XV в. был ознаменован всё усиливающейся властью великого князя, активным поиском рычагов давления на светскую и церковную элиту, то первая половина XVI века – время безцарствия и боярского правления, время произвола в высших эшелонах власти. Естественно, в конце XV в. оказываются больше востребованы именно сочинения против иноверцев и еретиков, что давало возможность церкви сохранять своё влияние. В условиях же боярского произвола, малолетства царя и его нежелания заниматься управлением, образ врага значительно трансформировался. В каком же направлении пошла эта трансформация?

Количество поучений для исправления греховной деятельности и помыслов царя как никогда велико в XVI веке. И это связано с важными переменами в общественном сознании. Многочисленные исследователи отмечают возрастание внимания к «самовластию», «духовному разуму», самоценности человека⁴³.

По сути, речь идёт о возрастании интереса к его внутреннему миру. Можно заметить, что в сочинениях публицистов «врагом» царя, фигуры идеальной во всех отношениях, становится безнравственный человек, человек, потакающий своим низменным страстям. Конечно же, это положение применимо не только к царю, требования личной нравственности в отношении всех православных возрастают в сочинениях полемистов год от года. Но именно царь является наиболее символической фигурой. Неся на себе огромный груз ответственности за конкретное исполнение православия, он должен сам быть образцом христианских качеств.

В этой связи очень характерно, что второй брак Василия III, вызвал столь бурную реакцию многих церковников, и отозвался даже в сочинении Курбского⁴⁴. Причина такой реакции не только в том, что для христианской идеологии столь важно таинство брака. Сфера нравственности и вероисповедания, это та точка, где соединялась ответственность государя и его советников, здесь основа сотрудничества между ними.

Если на советчиках лежит выработка нравственных норм и категорий, то на государе – их непосредственное исполнение. Именно это понимание, как можно заметить, лежит в основе концепции Филофея. Карл Великий, несомненный авторитет того времени, оказывается причастен к «отпадению» латинскому, и через это становится «чужим».

Выше уже отмечалось возрастание интереса к человеку. Не приходится сомневаться, что все беды по прежнему приписываются божественному провидению и проискам дьявола. Однако теперь человек не просто орудие в их руках, его воля приобретает самодовлеющее значение. Поэтому враг персонифицируется, из внешнего превращается во внутреннего⁴⁵. События боярского правления, негативный для Руси пример шляхетской Польши, как можно представить, лишь подхлестнули процесс такого осмысления врага. Из послания в послание, из сочинения в сочинение прослеживается мысль, что именно дурные советники, «ласкатели», являются причиной безнравственного поведения царя. Мысль, разумеется, не нова. Но остроту ей придают, как представляется, социально-психологические проблемы, связанные с переосмыслением проблем власти. В силу самых различных причин, прежде всего в силу слабости сословий, вся ответственность за непосредственное строительство Московского царства оказалась в руках царя. Такому положению вещей способствовала и слабость античного наследия, прежде всего в области законодательства.

Этот груз ответственности требовал от правителя высоких деловых и нравственных качеств, что во многом обуславливало остроту полемики вокруг вопросов нравственности и самовластия человека⁴⁶. Кризис, связанный с неспособностью Ивана Грозного нести ответственность за положение страны, вызвал то неопределённое, маргинальное положение царя и публицистов, толкавшее на усиленный поиск врагов. Интересно, что все заинтересованные силы оказались едины в том, где их искать. Враг теперь внутри человека. Но, происходит рационализация негативных поступков правителя как спровоцированных лицами враждебными к трону. Эти лица – непосредственные советники царя, прельстители и «ласкатели»⁴⁷, «сребролюбцы богатые и брюхатые»⁴⁸, «сетями полицающие»⁴⁹, отбирающие у царя власть и т.д.

Уместно поставить вопрос, по какому критерию определялись враги среди советников царя. Даже «богатые и брюхатые» автора «Повести о стоянии на Угре», прежде всего «сребролюбцы». Судя по источникам, изначально главным критерием являются именно нравственные качества советников. Безнравственные советники – вот рационализация негативных черт самого царя.

Б.Н. Флоря, вслед за многими другими исследователями, представляет годы правления «Избранной рады» как время

компромиссов и сотрудничества⁵⁰. Крах этой политики справедливо связывается с противоречиями внутри правящей верхушки. Но у причин этого краха есть ещё одна, психологическая составляющая. Возвеличивание царской власти приходило в противоречие с самой «идеей» сотрудничества. Ответственность, возложенная публицистами на царя, была столь велика, что перечёркивала, перекрывала собой «идею» сотрудничества, не подтверждённую реальными социальными силами. Если взглянуть на дело шире, то габитус, формирование которого было связано с полемикой, борьбой, противопоставлением, приходил в несоответствие с установками христианской нравственности.

Это противоречие сказалась и на формировании у царя сначала спутанной, а потом, когда он осознал, что не способен быть высоконравственным властителем, отчасти негативной идентичности. Замечательно, что обвинения в адрес Сильвестра и Адашева носили исключительно политический характер, царь ни словом не упоминает о других грехах своих злейших врагов, зато у себя находит их значительное количество. Провал сотрудничества был во многом лишь выражением несоответствия идеала и реальности⁵¹, попыткой кодификации, неудачной уже потому, что происходила она в «исключительных» обстоятельствах.

По утверждению Максима Грека, как малое облако способно закрыть землю от солнца, «темже убо образом и душа благоверного царя, аще облаком скотских страстей, глаголю же яростию и гневом безвременным, пьянством же и похотми непреподобными обладана будет, то и сама прочее, увы! помрачилась и люте охудела и подручное всё всяческими озлоблениями вытребилося, и буря люта и мятежна частых треволнений смутила есть и вся поколеба»⁵². Претензия на власть должна была подтверждаться «чистотою и щедротами», а претензия на нравственную чистоту оказывалась в прямой взаимосвязи с претензией на власть, как духовную, так и светскую. Отсюда и претензии многих церковников на то, что «священство» выше «царства».

При такой расстановке акцентов, становится более понятна та конфликтная ситуация, что сложилась между Иваном Грозным и его приближёнными, и феномен опричнины, призванный вывести сферу морали из властных взаимоотношений, заменив её формализованным исполнением веры. Ещё в первом послании Грозный оправдывал нарушение «церковного предостояния» и собственную греховность уступками «немощи человеческой»⁵³, одновременно утверждая, что его власть от Бога и не может быть поставлена под сомнение его аморальным поведением. Отныне истинный христианин тот, кто подчиняется власти царя и готов безропотно умереть от него, подобно Ваське Шибанову⁵⁴. И вообще, Русская земля держится «Божьим милосердием и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами,

своими государи, а не судьями и воеводы, неже ипаты и стратиги»⁵⁵. Главное же в исполнении веры – чтобы церковные пороги «светились» «всякими украшениями, достойными Божьей церкви, всякими даяниями»⁵⁶. Именно в этих формулировках закладывается основной конфликт произошедшего век спустя церковного раскола, когда форма вероисповедания, жёстко слитая с властью, начала подрываться самой властью, что неизбежно вело к подрыву и властного и религиозного авторитета центра⁵⁷.

Можно констатировать, что этно-конфессиональное сознание элиты, а после окончания казанской войны и более широких слоёв населения, приобрело новое, специфическое содержание⁵⁸. Эта специфика начинает задаваться формированием образа внешнего врага, очерчивающим узкий круг собственно «своих», позже означенных как «русские». О национальном самосознании здесь говорить ещё преждевременно, так как городские слои оказались слабо вовлечены в решение внешних и внутренних задач нового государства. Отсутствие серьёзной базы для создания национального государства, неопределённость властных отношений, осложняли консолидацию русского общества, предопределили крах идеальной модели взаимоотношений царя и подданных, которую вырабатывала элита.

В условиях нравственных метаний происходит эволюция от внешнего к внутреннему врагу, поиск которого и противопоставление ему, стали основой формирования новых идентичностей царя и его подданных. В этом смысле опричнина выглядит и как крах сотрудничества, и как попытка преодолеть его кризис, и как поиск новых внутренних врагов. Налицо попытка утверждения властных царских интересов как особых, опричных, более значимых, чем земские, и полностью сконцентрировать символический капитал в руках царя. То есть, по сути, здесь имеет место дальнейшее развитие той тенденции, которую закладывали поколения полемистов и мыслителей русской земли. Сформировавшийся характер габитуса, в условиях вызова внешней угрозы и конфессиональной изоляции, привёл к ускоренной, модернизаторской модели становления этно-конфессионального сознания, с большой долей идеализации властной сферы, завышенными имперскими амбициями, что не могло не привести к кризису центральной власти. Этот кризис заключался в маргинальности властных установок по отношению к сфере морали. Кроме того, произошедшая эволюция от внутреннего к внешнему врагу ставила новые вопросы, новые задачи, которые общество ещё было не готово решать.

¹ Очень характерен в это время рост полемических сочинений против латинян. См.: Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI-XV вв.). - М., 1875.

² Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. - М., 1982. С.530-532

-
- ³ Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) <http://www.tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/Gorskij/car.html>
- ⁴ Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.)
- ⁵ «Слово 2-е, о том же к благочестивым против богоборца Магомеда»; «Ответы христиан против агарян, хулящих нашу православную христианскую веру» и т.п.
- ⁶ Сеницина Н.В. Максим Грек в России. – М., 1977. С.7
- ⁷ Сеницина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). – М., 1998. С.243
- ⁸ Сеницина Н.В. Третий Рим. С.243
- ⁹ Сеницина Н.В. Третий Рим. С.193
- ¹⁰ Русский хронограф. Гл.208. // Сеницина Н.В. Третий Рим. С.189
- ¹¹ Сеницина Н.В. Третий Рим. С.275
- ¹² Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. – М., 1999. С.424
- ¹³ Сеницина Н.В. Третий Рим. С.243. Необходимо только принять во внимание, что об «исторической ответственности» в это время говорить ещё не приходится, так как христианское мировоззрение предполагает, что не человек, а Бог является творцом «истории».
- ¹⁴ Повесть о стоянии на Угре. // БЛДР. Т.7. – СПб., 2000
- ¹⁵ Московская повесть о походе Ивана III. // БЛДР. Т.7.
- ¹⁶ Послание на Угру Вассиана Рыло. // БЛДР. Т.7.
- ¹⁷ Иосиф Волоцкий. Просветитель <http://www.geocities.com/Athens/Cyprus/6460/oldtest/prosv/>
- ¹⁸ Иосиф Волоцкий. Просветитель.
- ¹⁹ Иосиф Волоцкий. Просветитель.
- ²⁰ Иосиф Волоцкий. Просветитель.
- ²¹ Иосиф Волоцкий. Просветитель.
- ²² Послания Иосифа Волоцкого. Изд. А.А. Зимин и Я.С. Лурье. - М.-Л., 1959. С.228
- ²³ Плигузов А. Учение ранних “нестяжателей” в исторической перспективе: от “Предания” Нила Сорского до амортизационных мер Ивана IV <http://www.stphilaret.ru/favor/andrey26.htm>
- ²⁴ Плигузов А. Учение ранних “нестяжателей”
- ²⁵ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С.427
- ²⁶ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С.427
- ²⁷ «Вот, господин, епископ катанский Лев связал епитрахилью и сжег Илиодора-волхва и другого волхва, Исидора, также сжег молитвой при византийском цесаре. А ты, господин Иосиф, почему не испытаешь своей святости? Связал бы архимандрита Касьяна своей мантией, и пока бы он не сгорел, ты бы связанного его в огне держал! А мы бы тебя, из пламени вышедшего, приняли как одного из трех отроков!» - «Ответ кирилловых старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков» // БЛДР. Т.9. С.219
- ²⁸ Разумеется, социальная принадлежность накладывает на их рассуждения значительный отпечаток, но сами они ставят общие для страны проблемы.
- ²⁹ Повесть о стоянии на Угре. // БЛДР. Т.7. С.385
- ³⁰ Иосиф Волоцкий. Просветитель.
- ³¹ Габитус - ансамбль диспозиций действия, мышления, оценивания и ощущения определенным качественным образом составляет *габитус* (от *habere* (лат.) иметь). Габитус — совокупность черт, которые приобретает индивид, диспозиции, которыми он располагает, или иначе говоря, — свойства, результирующие присвоение некоторых знаний, некоторого опыта. // Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. Н.А. Шматко/Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко./ — М., 1993 <http://bourdieu.narod.ru/table1.htm#socpol>

-
- ³² О единстве габитуса приходится говорить очень осторожно, ради выделения общего опуская его типологию и акцентируя внимание лишь на готовности полемистов к активному действию. Именно отсюда «характер» габитуса, как совокупность этих общих черт.
- ³³ Под политическим капиталом Бурдые имеет в виду знания, опыт, наличие благ и услуг в политическом поле. См.: Бурдые П. Социология политики. — М., 1993
- ³⁴ Стивен Гринблатт Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира (главы из книги) // НЛО, 1999, № 35 <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/35/grinblat.html>
- ³⁵ Синицина Н.В. Третий Рим. С.228. Разумеется, не следует упускать из виду, что сама идея «Третьего Рима» неразрывно связана с усилением Московского государства, то есть во многом имеет политическую подоплёку.
- ³⁶ Большая челобитная Ивана Семеновича Пересветова. // БЛДР. Т.9. С.449
- ³⁷ Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. — М., 2000. С.402
- ³⁸ Большая челобитная Ивана Семеновича Пересветова // БЛДР. Т.9. С.443
- ³⁹ Инока Максима главы поучительны начальствующим правоверно // Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 2. — Казань, 1860 г. С.158
- ⁴⁰ Усачёв А.С. Образ языческой Руси в Степенной книге. // История, память, самоидентификация: Русь и Россия. — М, 2003. В печати.
- ⁴¹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. — М.: Ин-т «Открытое общество», Моск. ин-т. развития образовательных систем, 1998. С.228.
- ⁴² Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. — М., 2000. С.402
- ⁴³ Напр.: Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. — М.: Аспект Пресс, 1996. Очерк III. Самоценность человека; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. — М., 1998.
- ⁴⁴ История о великом князе Московском. // БЛДР. Т.11. С.313
- ⁴⁵ Это не означает, что внешний враг больше не существует. Но он теряет своё прежнее значение, теряет демоническое начало. Весьма символично выглядят посадение на русский трон Симеона Бекбулатовича, угроза Ивана IV сделать наследником «ливонского короля» Магнуса. Эти «чужаки», по мнению царя, могли быть лучше многих «своих».
- ⁴⁶ Тут вполне уместно сравнение с положением во Франции и Италии, где ответственность за принимаемые решения во многом оказывалась в руках сословий, права которых фиксировались законом.
- ⁴⁷ История о великом князе Московском. // БЛДР. Т.11. С.315
- ⁴⁸ Повесть о стоянии на Угре. // БЛДР. Т.7. С.383
- ⁴⁹ Первое послание Ивана Грозного Курбскому. // БЛДР. Т.11. С.23
- ⁵⁰ Флоря Б.Н. Иван Грозный. — М.: Молодая гвардия, 2002. С.83; Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. С.35
- ⁵¹ Под реальностью, например, можно понимать сложившийся характер Ивана, обстановку борьбы за власть и сам способ действия, которым этот идеал должен достигаться.
- ⁵² Инока Максима главы поучительны начальствующим правоверно. С.165
- ⁵³ БЛДР. Т. 11. С.29
- ⁵⁴ БЛДР. Т. 11. С.26
- ⁵⁵ БЛДР. Т. 11. С.37
- ⁵⁶ БЛДР. Т. 11. С.37

⁵⁷ Сайнаков Н.А. Раскол русской церкви в свете различных методологических концепций. // Европейские исследования в Сибири. Вып. 2. Материалы региональной научной конференции 10-11 декабря 1999г. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С.101-105.

⁵⁸ По мнению М.Б. Плюхановой, именно в произведении, созданном после взятия Казани – «Казанской истории», дано «единственное по полноте воплощение противоречивому духу Московского царства» (Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. – СПб., 1995).